

Формирование в России национальной идеи

Ольга Церпицкая

В последнее время очень много говорится о необходимости выработки или нахождения национальной идеи для России. Тема актуальна не только для внутриполитической системы, но и для развития внешней политики, так как национальная идея способна гармонизировать весь спектр политических отношений и в ряде случаев придать им смысл или даже изменить их.

Ответом на призыв действительно служит масса предложений: от новых идеологических систем до математических формул.

Предлагают, например, вернуть знаменитое «Православие – Самодержавие – Народность». В.В.Путин, тогда еще Президент России, на одной из встреч в 2004 г. заявил, что национальной идеей для страны должна стать ее конкурентоспособность¹. И при всем многообразии подходов теряется главное: понимание современными российскими политическими кругами того, что есть национальная идея вообще и, в частности, в России.

В рамках этой проблемы стоит обратить внимание на мысль, высказанную в работе С. Ивановой «Национальная идея в политическом дискурсе России». Суть ее заключается в том, что «первая составляющая понятия – “национальная” – определяет его сущностные основания, вторая – “идея” (“цель, замысел, смысл, отражающий предполагаемый результат

деятельности”) – функциональное наполнение»². Понятие «идея» тесно связано понятием «идеал», то есть национальная идея – это социокультурная целостность, возникающая благодаря продуцированию системы базовых идеалов базовой национальной культуры.

Вполне уместным представляется возможное разделение национальной

ЦЕРПИЦКАЯ Ольга Львовна – кандидат политических наук (Факультет международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета). E-mail: tserpitskaya@rambler.ru

Ключевые слова: национальная идея, Русская Православная Церковь, религиозная организация, традиция, единение.

идеи на две составляющие, в широком и узком смысле.

В первом случае национальная идея может рассматриваться как синоним национальной (в смысле общероссийской, общегражданской) идеологии, которая призвана способствовать сплочению и развитию общества благодаря содержащимся в ней системам идей и ценностных принципов.

Во втором, более узком варианте, под национальной идеей подразумевается «система представлений, связанных с ценностными установками в области межэтнических отношений, этнической идентичности»².

Но многие исследователи указывают на то, что в национальной идее не должно содержаться ни собственно национальной, ни религиозной, ни политической компоненты. Однако история России (та же формула графа Уварова например) и современное состояние полного отсутствия даже намеков на национальную идею позволяют все-таки задуматься о роли и месте религии в формировании той системы ценностей, которая превращает простое сообщество людей в нацию.

Для чего же нужна национальная идея и почему мы позволили утверждать, что без нее нации быть не может?

В идеальной ситуации национальная идея должна не только создавать у представителей нации определенную картину мира, но и осознать свое место в этом мире, а также передавать это видение потомкам и живущим рядом народностям, то есть именно национальная идея отвечает за национальное самосознание и национальную самоидентификацию.

У национальной идеи на основании ее функций можно выделить три составляющие²:

– первая из которых – как раз общенациональная идентификация (может

выступать в качестве синонима патриотизма или как основание для его формирования);

– вторая отвечает за осознание и обоснование смысла существования нации, ее предназначения и роли в мировой истории;

– и, наконец, с помощью третьей создают национальный идеал для формирования будущего нации.

Сегодня зачастую определение национальной идеи сводится к оптимальному поведению человека на пользу себе и обществу (или нации). Фактически такое понимание национальной идеи вырастает из знаменитой «протестантской этики», которая в России вряд ли сможет «пустить корни» – это вполне оправданная теория для стран Запада, где, по большому счету, национальная идея более чем расплывчата и имеет фактическое выражение в росте благосостояния населения и государства.

В России же национальная идея всегда была чем-то метафизическим, имевшим связь с Небесами, и фактическое выражение при этом было излишним, как излишни для православного человека попытки раскрытия тайны Святой Троицы, например. Это была данность свыше.

Русская национальная идея существовала в свое время в известной концепции «Москва – Третий Рим» и получила свое выражение в формуле «Православие – Самодержавие – Народность». Эта формула имела все необходимые составляющие «народной идеи»: она кратка, понятна всем (независимо от статуса, должности, образования) и, говоря современным языком, прекрасно подходит для пиара: с такой идеей можно работать на благо государства или идти в бой (сразу ясно, если погибать – то за что именно, ведь вряд ли кто-то воюет за конкурентоспособность), ее можно тиражировать на плакатах.

Эта идея имеет ореол массовости, но, изучая различные мнения о сути трех ее составляющих понятий, постепенно приходишь к выводу, что их объединяет один принцип (в сущности своей – практически философская категория), который заинтересованные в стабильности политические элиты современной России не могут обосновать уже более 15 лет, – принцип единения. Единения всех вокруг чего-то незыблемого, вечного, что не изменится от сиюминутных волнений. Возможно, очень близко к народности классическое понимание суперэтноса. Ведь и суть народности – единство разных народов под одним историческим названием, под одной эгидой и под одной властью. Некоторые современные исследователи утверждают, что в СССР в массовом сознании насаждалось представление о том, что народность – это постулат о превалировании русского этноса над прочими, населявшими Россию в конце XIX в.

В связи с этим примером стоит вспомнить мнение В.С.Елистратова (высказанное в статье «Национальный язык и национальная идея»), который говорит о проблеме национальной идеи как о проблеме лингвистической. Действительно, в условиях современной многонациональной России отсутствие так называемого языкового договора (или лингвистической концепции) приведет к тому, что любая, даже самая хорошая формула национальной идеи будет воспринята неоднозначно³. Люди просто будут неадекватно воспринимать терминологию. Но, на наш взгляд, лингвистическая проблема – это часть проблемы разобщенности, которая стала бичом современного российского общества.

Существует прекрасный термин, введенный Л.Н.Гумилевым – «пассионарность», и пассионарность национального духа (носителя национальной

идеи) проявляется преимущественно в сущности его национальной идеи, то есть «единственным вербальным раскрытием понятия исторической пассионарности оказывается национальная идея»⁴.

Если рассматривать историческое развитие народов, то наиболее жизнеспособными (речь идет не об уровне развития, а о жизнеспособности) являются те народы, которые сохраняют свои духовно-идеологические основания (например, Индия, Китай). А вот современная Европа, напротив, оказалась на грани национального выживания, так как национальной идеи в ее государствах на сегодняшний день не существует – она уступила место идеям наднациональным, которые являются разрушающими при чрезмерном ими увлечении не только нации, но и впоследствии государства.

Все это приводит к восприятию пассионарности уже не как некоей отвлеченной философской категории, а как духовно-исторического феномена. Безусловно, естественным выглядит процесс, когда этот феномен претерпевает трансформации, связанные с историческими, политическими или идеологическими изменениями, происходящими сего народом-носителем. Не исключено и внешнее вмешательство в этот процесс, так как национальное самосознание нельзя признать закрытым для восприятия новых идей, исходящих, например, от других цивилизационных общностей. Именно здесь особая роль отводится государственной идеологии, своеобразному «фильтру», который в идеале должен регулировать все то многообразие тенденций, которые поступают из внешнего, по отношению к нации, мира, и адаптировать национальную идею к современным реалиям. Но бывают ситуации, когда государство не может справиться с этой задачей, будучи,

например, отчужденным от нации. И в этой связи возникает другой, более сложный вопрос: как оживить пассионарность в современном российском народе?

И вот здесь мы уже вплотную подошли к такому неоднозначно воспринимаемому моменту, как религиозная основа для национальной идеи. Оговорюсь сразу, что в современной России речь не идет о признании религии государственной, а о принятии ее основ за базовые постулаты национальной идеи. В своих попытках интеграции в мировое сообщество Российская Федерация следует основным принципам, которые принимаются за основу западными государствами в современном мире.

Разумеется, религиозная свобода для них – это одна из основных свобод человека, и ссылка на идеалы любой религии в национальной идее многоконфессиональной России будет означать, по представлению Запада, очередное нарушение прав человека. Однако так ли это на самом деле?

В этой связи уместным представляется привести слова А.Е.Молоткова, который в своем труде «Миссия России. Православие и социализм в XXI веке», в частности, пишет: «...Идеология как таковая (в религиозном аспекте) не вытесняет религию из общественного сознания, но, являясь по существу ее проекцией в среде социально-политической реальности, лишь выполняет «религиозные функции» на макросоциальном уровне. Связь между идеологией и религией в этом смысле очень глубока, и можно даже сказать, что истинная идеология в своем сакральном содержании всегда религиозна, а истинная религия в своем конечном социальном предназначении всегда идеологична»⁴.

Таким образом, за идеологией (а государственная идеология может считаться только внешней формой национальной идеи) мы всегда сможем угадать некое религиозное начало, которое, хотя и неявно, предопределяет собой идеологические решения на макросоциальном

уровне. Выше мы уже вспоминали протестантизм и его этику, которые как нельзя лучше иллюстрируют приведенное утверждение.

И неслучайно, что современный западный мир с его «демократическими» устоями отрицает формулу «Православие – Самодержавие – Народность», опираясь в основном на необходимость равенства религий. Стоит обратить внимание на поведенческую суть тех, кого мы называем западными партнерами.

Это прекрасно сформулировал А.С.Панарин: «Глобализация, собственно, и означает дистанцирование национальных элит от туземного населения и переориентацию их на вненациональные центры власти и влияния... Понятие политического суверенитета народа уступает место так называемым законам глобализирующегося мира, с которыми современные элиты должны считаться больше, чем с мнением собственного национального большинства. ...Дело доходит до того, что само признание местных элит в качестве элит, их международная легитимация напрямую зависит от их решимости порвать с национальными интересами и служить наднациональным центрам власти»⁵.

Таким образом, мировое сообщество (его влиятельная часть) давно не заинтересовано в формировании наций, могущих осознавать себя таковыми.

Но даже несмотря на действие таких антинациональных сил, вопрос о религиозной основе национальной идеи бурно обсуждается сегодня в России. Очевидно, что предыдущие попытки превратить в национальную идею не причину, а следствия внутренней духовной жизни человека (любовь к Родине, например) успехом не увенчались. И вот на этом этапе появилась другая проблема – проблема выбора «подходящей» религии.

Критерии, по которым имеет смысл «подбирать» религию для столь ответственной роли в жизни государства, сводятся примерно к следующим: общеиз-

вестности, преобладанию на территории, известной политкорректности, готовности к сотрудничеству с государством на благо граждан и приемлемость для мирового сообщества.

На территории России XXI в. таких вариантов насчитывается всего три: православие, ислам и буддизм (по степени их численности).

Модная на сегодняшний день в мире религия – буддизм не вполне подходит для основы национальной идеи, так как ни к чему не обязывает и не стесняет действий личности, оправдывая все получением духовного опыта. Разумеется, такой подход к жизни не будет способствовать укреплению народного единения.

Ислам в России почему-то предпочитают не рассматривать как возможную государствообразующую религию, несмотря на большой процент населения, его исповедующего. Но более вероятным является постепенное сближение с Соединенными Штатами после событий 11 сентября⁶. Также в качестве причин можно указать на репутацию отдельных исламистских течений.

Остается православие. Однако для выхода на мировую арену оно не подходит в силу исторической неприязни к нему все тех же определенных европейских и американских политических кругов. Именно православие теми же кругами признается опасным фактором, могущим служить объединению России (нежелательному, если верить концепции Эбигнева Бжезинского), и достаточной духовной силой (если рассматривать Московскую Патриархию как юридическую единицу для связи с внешним миром, то Московский Патриархат подразумевает уже сакральную суть предстояния перед Богом).

Так чем все-таки так геополитически уникальна Русская Православная Церковь? Уникально самое сочетание вселенского с региональным, и даже локальным.

В каноническую территорию Русской Православной Церкви входят территории нескольких государств, и это создает эффект глобальности. Но на каждой из этих территорий Церковь существует в тесном взаимодействии с народом, его языком и культурой, и на этом локальном уровне Церковь всегда занимает позиции патриотизма и защиты общества. Такая двойственность природы, соотношение универсального и национального, привела к тому, что в эпоху удельных княжеств, например, именно Церковь помогла воюющим частям будущей великой державы не потерять своей идентичности⁷.

С понятием «каноническая территория» связано и явление единства Церкви, так как оно не нарушается изменением политических границ (что весьма актуально в ситуации оккупации территории). Для политиков такой масштаб церковной жизни не всегда удобен и понятен, поэтому (как, например, на Украине) политические круги стараются создать свою, «национальную» Церковь, а проще говоря, ведут к церковному расколу – нарушению единства, способствуя тем самым деятельности сил, не заинтересованных в сильной России и ее соседях.

Что же касается неудобства православия для антинациональных кругов, то оно определяется еще и тем, что Русская Православная Церковь может предложить новой России более глубокое и близкое к онтологическому рассмотрению проблемы своих отношений с государством Российским, основанное на византийской традиции симфонии в ее идеальном понимании, когда у Церкви и государства одна область деятельности (народ), но разные задачи (духовное и материальное благополучие).

Именно учитывая не всегда удачный, но все же существовавший опыт церковно-государственного взаимодействия в

России вполне возможно говорить об определяющей (в соответствующих областях) роли православия в политике Российской Федерации как, в некотором смысле, о исторической данности. И вот именно этот аспект может быть привлечен для использования в формировании национальной идеи и борьбы с процессами «отчуждения государства»⁴, которые на протяжении всей российской истории мы могли уже наблюдать и в условиях реализации которых мы живем сейчас.

Действительно, интеграция России в мировое сообщество (к счастью, не до конца удачная), могла бы привести к тому, что из-за изменения или отсутствия национальной идеи государство и нация должны были стать не единым целым, а двумя параллельными. Казалось бы, причем здесь традиционные ценности? Но именно их деформацией всегда сопровождается любая оккупация или смена режима. Так как интеграция в мировое сообщество не до конца удалась, но частично все же имела успех, Русская Православная Церковь осталась хранительницей тех ценностей и традиций, которые антинациональные силы считают, очевидно, вредными для глобализационных процессов. Причем ценностей и традиций не только духовных, но и политических, принимая во внимание всё ту же симфонию.

Несмотря на все критические замечания, высказываемые сегодня в адрес Русской Православной Церкви, у нее есть одна очень сильная сторона, которую трудно оспаривать: на данном историческом этапе Русская Церковь – единственная из крупных Церквей, которую нельзя упрекнуть в догматических изменениях либо изменениях традиционного представления о богослужении и церковной жизни (а именно они являются сосудами, в которых хранятся традиционные ценности). А так как русскому православию (одному из немногих на сегодняшний

день) невозможно указать на ранее совершенные послабления ради переговорных процессов, то оно может свободно вести диалог с представителями иных конфессий или светских организаций, не идя ни на какие уступки.

Но именно этот положительный момент становится отправной точкой в необходимости поиска союзников для защиты моральных ценностей, которые представляет Русская Церковь, и союзников этих можно искать как вне России, так и в ее пределах. Тем более что православные принципы государственного устройства никогда, на протяжении всей истории России, не противоречили постулату уважения к инославному вероисповеданию, и даже, наоборот, поддерживали традиционные, как сейчас модно говорить, конфессии и верования⁵.

Базовые ценности православия (суть которых, кстати, весьма схожа у самых разных мировых религий) формировались много веков на территории России, претерпевая вместе со страной (не с государством, а именно со страной) все перипетии ее исторического развития. Существует опасность, что, став официальными, эти ценности потеряют свою значимость, растворятся в сложностях государственного подхода.

Надо отметить, в свете такой опасности совершенно правильно многие (особенно священноначалие) постоянно обращают внимание властей на то, что ни религия, ни национальная идея не могут быть идеологией, так как последняя – это система идей, иногда строящаяся на одной идее (и, как говорилось выше, в идеале внешняя форма, отражение национальной идеи), а религия просто выше этого, относясь к совершенно иным категориям.

Но вот идеи в конкретном случае, о котором идет речь, вполне можно черпать из религии, ведь в любом деле единения (каковому и должна служить на-

циональная идея) всегда есть ядро, вокруг которого консолидируются основные силы, и с учетом изложенного им

вполне может быть Русская Православная Церковь, хранимые ею ценности и традиции.

Примечание

- ¹ Национальная идея – конкурентоспособность. http://www.chuvashia.com/cap_xp/main.asp?prev=9151&pos=99 (дата обращения: 12.02.2004).
- ² Иванова С. Национальная идея в политическом дискурсе России // Обозреватель – Observer. 2006. № 6. http://www.gau.su/observer/N6_2006/6_07.HTM
- ³ Елистратов В.С. Национальный язык как национальная идея. http://www.gramota.ru/mag_rub.html?id=54 (дата обращения: 15.03.2007).
- ⁴ Цит. по: Молотков А.Е. Миссия России. Православие и социализм в XXI веке. http://chri-soc.narod.ru/molot_missia_rossii_1_1.htm
- ⁵ Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. М., 2003. С. 183.
- ⁶ Примаков Е.М. Мир после 11 сентября. М., 2002.
- ⁷ Филарет (Булеков), игумен. Отношение Русской Церкви к вопросам национального и государственного строительства // Церковь и время. 2009. № 4(49). С. 32.
- ⁸ Бондарев А.А. Государство и государственность // Трибуна русской мысли. 2002. № 3. С. 3–6.

**Подписка на 2011 г.
на журнал “Обозреватель – Observer”
в каталоге «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»:**

47653 — на полугодие

36789 — на год